

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: АНАЛИЗ И ДИАГНОЗ

М. Ю. Мирошников

Мирошников
Михаил Юрьевич —
аспирант Института
философии и права
УрО РАН.

Для начала необходимо определиться с понятием российской политической ментальности. В этом словосочетании («российская политическая ментальность») все слова являются значимыми и требуют своей расшифровки. Они достаточно часто встречаются в жаргоне современных политиков, но каждый вкладывает в них свое понимание. Для того, чтобы авторская позиция была адекватно понята, определимся с исходными понятиями. Под понятием «ментальность» (или «менталитет») в современной литературе, как правило, понимают некое коллективное мировосприятие, включающее в себя весь спектр охвата действительности — от мироощущения и мировидения до миропонимания и мировоззрения. Ментальность является основой для оценок всего происходящего, поскольку включает в себя систему ценностей, которыми руководствуются и в повседневной деятельности, и в отношениях с людьми (1). Исследователи подчеркивают, что менталитет — это такое явление, которое раскрывает не индивидуальные особенности, а групповые (коллективные); при этом под группой (коллективом) понимается нечто вполне определенное — этническая общность. Тем самым менталитет сближается с культурной традицией, по сути своей имеющей национальную окраску. Из этого следует, что менталитет уходит корнями

глубоко в историю — к истокам мифологического сознания, начальным этапам становления той или иной этнической общности. Значит, менталитет нельзя произвольно или искусственно изменить или отменить, он существует как некая объективная реальность.

Когда речь идет о политической ментальности, то подразумевается одна из сфер жизнедеятельности общества, и мы должны учесть ее специфику. Достаточно общепризнанно, что политическая сфера связана с властными отношениями, политика — это выражение интересов классов и больших групп людей по поводу власти, борьба за власть и ее удержание. Россия за свою тысячелетнюю историю выработала немало ценностей, которые и сформировали ее менталитет. Именно менталитет во многом обеспечивает связь времен и создает механизм преемственности поколений.

1. Политическая ментальность России отражает политические реалии. Многочисленные исследования отечественных мыслителей — философов, политологов, правоведов и др. показывают причины и обстоятельства, в силу которых народы России, испытав на собственном опыте различные формы государственно-политического устройства, сделали свой исторический выбор, в конечном счете, в пользу сильной единой власти. Для нее есть разные названия — монархия, абсолютизм, авторитаризм, деспотизм и пр.

В сознании большинства, в коллективных представлениях о власти в силу традиций сложилась установка, что единственной властью, способной обеспечить жизнь и порядок, является царь, император, генеральный секретарь, президент. Поэтому политическая жизнь как дореволюционной России, так и современной отличается отсутствием подлинной многопартийности и практики продолжительной (а не случайной и эпизодической) политической борьбы. Ни в 1905, ни в постперестроечное время существовавшие в большом количестве партии (кадеты, эсеры и пр., ЛДПР, КПРФ и пр.), имеющие свои политические программы, не являлись выразителями коренных интересов больших групп населения России, а участвовали в «политическом маскараде», изображая политическую борьбу и кардинальное расхождение представлений о будущем государственно-политическом устройстве России.

На самом деле, российский менталитет отличается своеобразным отношением и «ожиданиями» применительно к власти и институтам, ее осуществляющим. Это — стремление переложить на государство ответственность за свою судьбу, достаточно утопическое ожидание «лучших времен», ориентация на «сильную руку», неприятие богатства как жизненной ценности.

Следовательно, продвижение реформ в экономической и политической сферах с

неизбежностью сопряжено с изменениями в ментальности населения России. Темпы и скорость этих реформ зависят от способности нации воспринять их как свое «внутренне выстраданное» стремление, как свой политический и жизненный идеал.

2. Следует отметить, что подсознательная ориентация на «монархизм» и «авторитарность» находит свое отражение еще в одной особенности политического менталитета наших сограждан, которая противоречива в своем содержании.

С одной стороны, в многочисленных историко-политических событиях мы обнаруживаем беспредельное доверие народа к власти, ожидание того, что власть автоматически вершит полезные, идущие на благо всего общества деяния. Эта установка на доверие заставляет даже явно негативные действия воспринимать как позитивные, а губителя миллионов — как «отца народа». В этой связи в сознание современной молодежи, например, никак не укладывается факт прощания с телом «вождя всех времен и народов» — И.В. Сталина, когда люди вполне искренне рыдали и отчаянно стремились прорваться к гробу усопшего даже ценой своей жизни. Наверное, цивилизованный мир воспринимал подобные действия так же, как мы воспринимаем и оцениваем события, происходящие в настоящее время на Кубе или в Северной Корее, когда многомиллионное население этой страны (имеется в виду Северная Корея) безутешно оплакивало Ким Ир Сена. Доверие, вера сопрягаются в сознании большинства в одно целое. Это мироощущение не смогли истребить даже те семьдесят лет жестокой «атеизации», которые претерпел наш народ в годы советской власти.

Сегодняшний всплеск религиозности не только в среде простых мирян, но и в высших эшелонах власти свидетельствует о том, что чувство веры и вытекающего из нее доверия коренится где-то в глубинах культурно-национальной памяти. Ведь уже в тридцатые годы XIX в. был провозглашен лозунг: «самодержавие, православие, народность». Данный лозунг далеко не только факт исторического прошлого. Очень мощные политические силы либо прямым текстом повторяют сегодня эту формулу как заклинание (всевозможные ультра-патриотические группировки), либо исподтишка прокламируют ее в своих предвыборных программах и агитациях (по сути дела, все партии левой ориентации). Как видим, в этом призыве предполагается, что все общество поделено на две неравные части: первая часть представлена самодержцем (а эту роль, правда каждый в свое время, исполняли царь, политический вождь пролетариата, генеральный секретарь, президент и т. п.) и, со всей безусловностью надо полагать, примыкающей к нему политической элитой (теми, кто «допущен к телу», а в современной действительности — это «президентское окружение»); вторая часть — простолюдными, рядовыми жителями, массой, толпой, или, как модно было говорить в ельцинские времена, россиянами. Если рассмотреть характер отношений между этими двумя группами, то можно обнаружить, как «исторические волны» слепого доверия рядовых жителей к власти переходят со временем в недоверие, ненависть и чувство безысходности.

И здесь необходимо кратко остановиться на другой стороне отмеченного выше противоречия. Если одной стороной монархистско-авторитарного по своей сути менталитета является доверие,

то его оборотная сторона — недоверие. И эту противоречивость не могут не фиксировать политологи-аналитики. Так, в статье С.Е. Вершинина «Феномен недоверия в контексте постсоветского общества: к постановке проблемы» помимо общей идеи, утверждающей, что «следует признать, что доверие существует во взаимосвязи и по контрасту со своей противоположностью — недоверием», дается такая оценка: «после известных событий в октябре 1917 г., а затем создания СССР в 1922 г. недоверие становится важной идеологической и социальной ценностью...». И он весьма убедительно показывает, каким образом данный способ мировосприятия входит в ментальные структуры общественного сознания: «недоверие распространяется из идеологической и политической сфер на все остальные сферы жизни общества, становясь базисной мировоззренческой ценностью» (2).

Отмеченная особенность, касающаяся российской ментальности, позволяет сделать и более общий вывод, а именно: политический менталитет связан с социально-психологическими явлениями, которые могут быть выражены, скажем, в таких состояниях, как равнодушие, безысходность, осознание «злой судьбы», предуготованной России. Более того, все эти явления пронизаны эсхатологическим умонастроением, мистицизмом и приобретают сакральный характер.

3. Менталитет в форме правосознания. Каково отношение Россиян к праву?

С высоких трибун, от депутатов государственной думы постоянно слышны оценки: «Россия должна вернуться на правовой путь». Как это воспринимать? Разве мы сейчас вне правового поля? До известной степени, видимо, так. У нас если и есть законы, то они либо вообще не действуют, либо их действия распространяются не на всех. Отсюда старая поговорка — закон как дышло, куда повернул, туда и вышло. Эта поговорка бьет в самую суть нашего политического менталитета. Ситуация сложилась до известной степени парадоксальная; длительное время российское общество (если взять его историю) руководствовалось нравственными нормами, они довели, в том числе и в политическом сознании, апеллировали к совести, к истине добра, защите народных интересов. Под такими ценностями совершались политические революции в России в начале двадцатого столетия, этими же ценностями руководствовались во второй мировой войне, которая для нашей истории остается Великой отечественной войной — название говорит само за себя. Перестройка восьмидесятых годов смела всякую идеологию, а вместе с ней были отправлены в небытие и нравственные ценности, которые сопровождали политическую жизнь. Нравственные ценности исчезли (отступили), а правовые не наработаны, они не могут как манна небесная свалиться с неба. Поэтому мы оказались в своеобразном вакууме. Хотя по-прежнему политическая элита взывает к интересам народа, отсутствие нравственных ценностей у «слуг народа» ни у кого не вызывает сомнений. В этом плане далеко за примерами ходить не стоит: что значит одна фигура Жириновского, а ведь он удостоен нынешним президентом звания заслуженного юриста России. К нашему нынешнему политическому менталитету, с точки зрения его правового аспекта, вполне применима оценка, данная отечественным мыслителем И.А. Ильиным, как «больное правосознание».

«Больное правосознание» предстает одновременно и как безнравственность, и как беззаконие, т.е. политический менталитет без морали и без права — это я и называю политический вакуум.

4. Еще одну особенность политического менталитета Россиян можно вывести из сравнения нашей социально-политической жизни с некоторыми представителями (имеются в виду большие этнические общности) Европы. Остановимся на одном примере. Нередко нас сравнивают с французами — по насыщенности эмоциональной жизни, душевности и пр., в том числе по степени некой политической активности. Так, истории наших стран пестрят деталями социально-политических и так называемых «великих» событий (великая Французская революция 1789-93 гг., революция 1831г., Парижская Коммуна 1870-71 гг. Пугачевское восстание, Великая Октябрьская Социалистическая революция 1917 г. и др.).

Социально-политические движения во Франции конца восемнадцатого — начала девятнадцатого веков, как правило, проходили под лозунгами свободы, равенства и братства. Душе русского человека близки эти призывы, он также бился за волю и справедливость (правду).

Но французская политическая ментальность формировалась из недр и глубин самого французского народа, поскольку каждый экономически был независимым гражданином и над экономической независимостью надстраивалась политическая самостоятельность и активность. Что касается нашего соотечественника, то выше обозначенные политические лозунги, как правило, привносились извне — от имени доброго царя, большевиков и им подобных. И объясняется это, на мой взгляд, тем, что русский мужик экономически был закабален почти до конца девятнадцатого века. Ведь отмена крепостного права, произошедшая в 1861 г., должна была укорениться не только в реальном положении тех, кто населял Россию, но и отложиться в виде устойчивых стереотипов поведения, прежде чем в его политическом сознании возникнет идея о необходимости защищать как самое главное достояние свой статус свободного человека-гражданина, от рождения имеющего право на жизнь и достойное существование. Политическая активность и становится способом существования, таким образом воспитанного историей и традицией человека.

Русский народ из-за своего географического положения вынужден постоянно находиться в состоянии ведения войны. Сохранить свою самобытность и этнокультурную общность можно, только имея внутри себя очень жесткую, централизованную, сильную, гипертрофированную авторитарную власть государства. В противном случае русский народ неминуемо будет завоеван и утратит свою национальность.

Менталитет русского народа во многом обусловлен таким социальным институтом, как община. Община — это взаимопомощь и взаимная поддержка, коллективный труд, совместное владение землей. В общине главенствует принцип солидарной ответственности людей друг за друга. Любой человек полностью предан интересам общины. Национальное понимание справедливости напрямую связано с изначальным социальным

равенством, которое обусловлено экономическим равенством по отношению к земле.

Община — спонтанно возникшее социальное явление, обусловленное менталитетом русского народа, который не способен к самостоятельной социальной ответственности вне коллектива. Русский человек, оказавшись наедине с самим собой (при решении каких-либо жизненных проблем и т.п.), испытывает целую гамму чувств и ощущений, таких как животный страх, неуверенность, смятение, желание спрятаться и т.п. Напротив, в коллективе, общине, в группе себе подобных русский человек проявляет смелость, смысленность, проворство и ловкость, не тревожится о будущем, «крепко стоит на ногах и держит свою судьбу в руках». Тяга к общинному укладу внутренне присуща русскому человеку, она имеет органический характер. Общинный уклад жизни также сильно существует в двадцатом веке. В деревне коллективные хозяйства являются по сути аналогами сельской общины. Более того, общинный уклад явно просматривается в жизни населения российских городов. Большинство организаций, социальных структур и предприятий осуществляют свою деятельность на общинных принципах. Человек в организации не просто зарабатывает деньги. Работая в организации, он является частью коллектива, он включен в некое сообщество «общину» с целым кругом взаимоотношений, взаимосвязей с другими членами, с каждым в отдельности и со всеми коллективом вместе. Являясь членом коллектива, он получает жилье, автомобиль, возможность пользоваться коллективными благами и соответственно несет коллективные повинности, участвует в культурно-массовых мероприятиях, проявляя себя и удовлетворяя потребность быть признанным другими людьми. Не случайно во многих организациях и на предприятиях организация досуга для своих сотрудников занимает не последнее место, существуют кружки, секции, спортивные залы и т.п. Человек все свои духовные потребности может удовлетворить, «проживая на работе».

Вместе с тем, российская ментальность по своей культурной типологии относится к европейской традиции, но при этом соединяет также черты символического Запада и Востока. Такая типологизация не отменяет самобытности и уникальности того способа отношения к миру, той системы ценностей, которые были выработаны историческим ходом развития России.

1. См.: Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. №3-6; Андрианов В.М. Ментальность // Современный философский словарь под ред. В.Е. Кемерова. Лондон-Москва-Минск. 1998; Трофимов В.К. Генезис и сущность русского национального менталитета. Ижевск. 2000 и др.

2. Вершинин С.Е. Феномен недоверия в контексте постсоветского общества: к постановке проблемы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 2. Екатеринбург. 2001. С. 60, 61.